

Защита С.А. Белокурова

Андрей Богданов

S.A. Belokurov master's degree

Andrey Bogdanov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870005845-0

В последней четверти XIX в. научная аттестация русской профессуры была хорошо налажена, а защита той или иной диссертации нередко становилась заметным общественным событием¹. Если в университетах свободу научных исследований обеспечивала широкая автономия, то учёные степени и звания, присуждённые коллегиями духовных академий, утверждались Святейшим Синодом, что создавало немало затруднений². При этом даже за благополучной и мирной защитой подчас скрывались глубокие и сильные страсти. Их изучение помогает понять логику развития науки и особенностей корпоративной этики профессуры Российской империи.

27 октября 1891 г. хранитель Московского главного архива Министерства иностранных дел Сергей Алексеевич Белокуров с блеском защитил магистерскую диссертацию в *alma mater* — Московской духовной академии (МДА). Работа, по обычаю того времени, была уже опубликована³. Оппонентами 28-летнего учёного на публичном диспуте выступали светила церковно-исторической науки: ординарный профессор Евгений Евсигнеевич Голубинский и экстраординарный профессор Николай Фёдорович Каптерев высказались за присуждение ему искомой степени⁴. Защиту освещали ведущие московские издания. Учёный совет академии единодушно одобрил диссертацию, решение о присуждении магистерской степени было без задержек утверждено Синодом. И это при том, что обер-прокурор К.П. Победоносцев лично следил за трудами по церковной

© 2019 г. А.П. Богданов

¹ *Иванов А.Е.* Высшая школа России конца XIX — начала XX в. М., 1991; *Иванов А.Е.* Учёное достоинство Российской империи. XVIII — начало XX века. Подготовка и научная аттестация профессоров и преподавателей высшей школы. М., 2016.

² *Сухова Н.Ю.* Значение Святейшего Синода в истории научно-богословской аттестации (1839—1917) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38(176). История. Вып. 37. С. 101—109; *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006; *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870—1918 гг.). М., 2006; *Сухова Н.Ю.* Система научно-богословской аттестации в России в XIX — начале XX в. М., 2009.

³ *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Исследование. Ч. I. Биография Арсения Суханова. М., 1891. См. также: Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (далее — ЧОИДР). 1891. Кн. 1—2.

⁴ Московские ведомости. 1891. 23 октября. № 293; 2 ноября. № 303; Русские ведомости. 1891. 30 октября. № 299; Московский листок. 1891. 2 ноября. № 305. См. также: *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Речь, произнесённая 27 октября 1891 г., пред защитой диссертации // Богословский вестник. 1892. № 3.

истории, охраняя верующих от реальных и воображаемых опасностей⁵. В условиях частичного предоставления в 1860—1880-х гг. староверам гражданских прав и активизации их участия в экономической и культурной жизни страны⁶ Победоносцев не без основания опасался усиления проповеди «расколоучителей». Любые наблюдения исследователей, так или иначе говорившие в пользу староверов или опровергавшие справедливость предъявлявшихся им в разное время обвинений, синодальный обер-прокурор считал враждебными Церкви и несовместимыми с её официальной позицией. Тем более любопытно, что оба оппонента Белокурова отстаивали в своих трудах научный подход к церковной истории и делали выводы, которые Победоносцев признавал вредными.

Голубинский, ещё не будучи профессором, порадовал своего учителя — ректора МДА протоиерея Александра Васильевича Горского — работой «Св. Константин и Мефодий, апостолы славянские», которая за критику легендарных сказаний была в 1867 г. запрещена цензурой, а через два года удостоена Уваровской премии Императорской Академии наук. В 1874 г., в 40-летнем возрасте, являясь уже известным учёным и путешественником по православному Востоку, Голубинский выступил с критическими замечаниями против магистерской диссертации пламенного борца с расколом Н.И. Субботина⁷. Poleмизируя с ним, Голубинский заявил, что едва ли не самое яркое сочинение против реформ патриарха Никона, «Прения с греками о вере», принадлежит перу Арсения Суханова⁸. Получалось, что ошибались все авторы, пересказывавшие Предисловие к Служебнику 1665 г., в котором Епифаний Славинецкий изображал Суханова человеком, обеспечившим проведение реформ Никона. Среди них были и митрополит Евгений⁹, и любимый учитель и начальник Горский, пару раз некритично излагавший текст Епифания¹⁰. В первом томе своей «Истории Русской Церкви» Голубинский, говоря про распространённые на Руси сказания об апостоле Андрее, сослался на «Прения известного старца Арсения Суханова... который... имел с греками горячие споры по поводу до-

⁵ Подробнее о К.П. Победоносцеве см.: *Полунов А.Ю.* Государство и религиозное инакомыслие в России (1880 — начало 1890-х годов) // *Россия и реформы.* Вып. 3. М., 1995. С. 126—141; *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; *Полунов А.Ю.* К.П. Победоносцев в общественно-политической и духовной жизни России. М., 2010; *Полунов А.Ю.* Национальное и религиозное в системе имперского управления: к вопросу о деятельности и политических взглядах К.П. Победоносцева // *Государственное управление. Электронный вестник.* Вып. 34. Октябрь 2012; *Полунов А.Ю.* Победоносцев: русский Торквемада. М., 2017; *Basil J. Konstantin Petrovich Pobedonostsev: an Argument for a Russian State Church* // *Church History.* Vol. 64. 1995. № 1. P. 44—61; *Basil J. K.P. Pobedonostsev and the Harmonious Society* // *Canadian-American Slavic Studies.* Vol. 37. 2003. № 4. P. 415—426.

⁶ *Пругавин А.С.* Старообрядчество во второй половине XIX в. Очерки из новейшей истории раскола. М., 1904; *Таранец С.В.* Старообрядчество в Российской империи (конец XVII — начало XX века). Т. 1—2. Киев, 2012—2013.

⁷ *Субботин Н.И.* Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой Австрийской или Белокриницкой иерархии. М., 1874; *Субботин Н.И.* О причинах и последствиях первоначального отделения старообрядцев от православной Церкви. М., 1874.

⁸ *Православное обозрение.* 1874. № 5. С. 327—337.

⁹ *Евгений (Болховитинов), митр.* Новый опыт исторического словаря о российских писателях // *Друг просвещения.* 1805. Ч. 1. Март. С. 203—206; *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийския Церкви. Ч. 1. СПб., 1818. С. 42—48.

¹⁰ *Горский А.В., прот.* О сношениях Русской церкви с Святогорскими обителями // *Прибавление к творениям святых отцев в русском переводе.* Т. VI. М., 1848; *Горский А.В., прот.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры. М., 1879. С. 130—131.

никонианских (выделено мной. — А.Б.) несогласий наших с ними в некоторых церковных обрядах»¹¹.

В декабре 1880 г. Голубинский блестяще защитил первую часть «Истории» (напечатанную на деньги, предоставленные митрополитом Макарием (Булгаковым), и благожелательно принятую в начале 1880 г. обер-прокурором Святейшего Синода гр. Д.А. Толстым) в качестве докторской диссертации¹². Выступавший оппонентом В.О. Ключевский не разделял сомнений диссертанта в подлинности церковных уставов св. Владимира и Ярослава Мудрого, а также его суждений по поводу состава и авторства Повести временных лет, но осторожно обошёл высказанную Голубинским критику легенд о хождении апостола Андрея на Русь, о походе Аскольда и Дира на Царьград, о крещении княгини Ольги и князя Владимира и т.д. Вопреки опасениям охранителей, включая и профессора Субботина, сравнительно мягко выступившего на диспуте в роли оппонента, от подобного покушения на древние предания небо над академией не рухнуло, а её Учёный совет присудил Голубинскому искомую степень. Победоносцев, занявший пост обер-прокурора в апреле 1880 г., смог лишь ненадолго задержать утверждение данного решения. Летом 1881 г. Голубинский стал доктором церковной истории и ординарным профессором, а также получил за свой труд Уваровскую премию Академии наук. Однако в 1883 г. Победоносцев не разрешил устроить в МДА официальное чествование 25-летия научной деятельности историка. В ответ профессура избрала Голубинского в 1884 г. помощником ректора по церковно-историческому отделению и членом правления Академии, а в 1886 г. — заслуженным профессором. Так или иначе, продолжить публикацию «Истории» он смог лишь после выхода в отставку в 1895 г. Второй её том вышел уже при содействии Белокурова в 1900 г. — через 19 лет после первого¹³.

Другой оппонент Белокурова — Каптерев почти одновременно с ним представил Учёному совету Академии свою третью докторскую диссертацию¹⁴. Предыдущие две были отвергнуты, поскольку научный критический подход к истории раскола Русской церкви болезненно воспринимался как частью профессуры (прежде всего тем же Субботиным), так и Победоносцевым¹⁵.

¹¹ Голубинский Е.Е. История Русской церкви. Т. I. Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. М., 1880. С. 8. «Вторая половина тома» была издана в 1881 г.

¹² Корсунский И.Н. Отчёт о докторском диспуте, происходившем в Московской духовной академии 16 дек. 1880 г. // Чтения в Обществе любителей древней письменности. 1880. № 12. Отд. 2. С. 473—489; А.Б. Докторский диспут в Московской духовной академии 16 декабря 1880 г. // Православное обозрение. 1881. № 1. С. 146—178.

¹³ Присёлков М.Д. Памяти Е.Е. Голубинского. СПб., 1912; Попов К.М. Список трудов академика Е.Е. Голубинского: 1859—1911. СПб., 1912; Полунов А.Ю., Соловьёв И.В. Жизнь и труды академика Е.Е. Голубинского: С приложением «Воспоминаний». М., 1998; Платонов А. Академик Е.Е. Голубинский — церковный историк и человек // Отечественные архивы 2003. С. 20—28; Богданов А.И. Голубинский Евгений Евсигнеевич // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 719—721.

¹⁴ Каптерев Н.Ф. Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством 1669—1707 гг. М., 1891.

¹⁵ Подробно см.: Богданов А.П. Судьба профессора духовной академии // Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. С. 493—517. См. также: Свистун Р. Профессор Н.Ф. Каптерев. Жизнь и литургические вопросы в его трудах. МДА, 1982; Голубцов С.А. Заслуженный профессор Московской духовной академии член-корреспондент Академии наук Николай Фёдорович Каптерев. Жизнь, деятельность и его научные труды (с их критикой) о эпохе патриарха Никона и царя Алексея Михайловича и на другие темы. Обзор

В условиях активной миссионерской борьбы «духовного ведомства», в подчинении которого находилась и МДА, против староверов, Каптерев, с одобрения старших коллег, пытался объективно разобраться в реалиях церковной истории 1650—1660-х гг. и причинах возникновения Раскола. «Объективно» для ученика Горского означало: по подлинным источникам. Работая с документами Московского главного архива Министерства иностранных дел, он тщательно анализировал соотношения русских и греческих обрядов и сам ход исправления богослужебных книг, которые, по официальному мнению, были «испорчены» в России невежественными редакторами при патриархе Иосифе (1642—1652), как раз перед реформами его преемника Никона (1652—1658)¹⁶, якобы восстановившего правильные тексты по полученным от греков образцам. Обе эти версии совершенно не подтверждались источниками о подготовке к изданию церковных книг, сосредоточенными ныне в фондах РГАДА¹⁷.

У Каптерева был выбор. Он мог сменить тему или рассказать коллегам по Академии немислимое, хотя и многими подозреваемое: что аргументы церковной пропаганды, использовавшиеся веками, ошибочны, а гонимые сторонники старого обряда правы. Солгать воспитанник Горского не мог. Не только Николай Фёдорович, но почти весь профессорско-преподавательский состав академии сознательно фальсифицировать научные данные не умел в принципе. Даже такой яркий поборник нравственно-религиозных чувств (кои, по мнению Победоносцева, должны были превалировать над критическим разумом), как Субботин, мог запутывать изложение того или иного сюжета и подменять понятия, но не откровенно лгать. В крайнем случае профессор кафедры истории и обличения русского раскола просто отбрасывал в своих рассуждениях доводы, которые не мог оспорить, как будто их никогда не было.

В первой докторской диссертации, защищённой в МДА в 1883 г., Каптерев доказывал правоту старца Троице-Сергиева и строителя московского Богоявленского монастыря Арсения Суханова, обосновывавшего в «Прениях с греками о вере», помещённых в его посольский отчёт (Статейный список) 1650 г., превосходство русского благочестия над греческим¹⁸. Соглашаясь с иноком-дипломатом, выражавшим мнение, которое укрепилось в России после Флорентийской унии и взятия турками Константинополя, Каптерев решительно утверждал, «что патриарху Никону не следовало слишком доверчиво относиться к приезжавшим в Москву грекам и по их указаниям исправлять наши древние церковные чины и книги»¹⁹.

и исследования по материалам архивов и публикаций. М., 2003; Гусев Д. В. Книга Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриарха Иосифа» и её критика современниками // Вестник Удмуртского университета. История и филология. Вып. 3. Ижевск, 2010. С. 99—105.

¹⁶ Подробнее см.: Богданов А. П. Русские патриархи от Иова до Иосифа. М., 2015. С. 385—400; Богданов А. П. Русские патриархи от Никона до Адриана. М., 2015. С. 5—160; Богданов А. П. Патриарх Никон и раскол Русской церкви. М., 2018.

¹⁷ РГАДА, ф. 52 (Сношения России с Грецией), ф. 1182. См. также Собрание старопечатных книг Библиотеки Московской синодальной типографии, где хранится основная часть корректурных (или «кавычных») экземпляров книг, которые готовились к изданию редакторами Печатного двора в XVII в.

¹⁸ Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; Изд. 2. Сергиев Посад, 1914.

¹⁹ Там же. Изд. 2. С. II (первой пагинации).

Разумеется, Каптерев не писал в 1883 г. прямо, что патриарх Никон и его сотрудники отступили от православных преданий, а староверы остались им верны. Он лишь красноречиво изложил фактический материал для подобного вывода. В центре его исследования находились «Прения с греками о вере» Арсения Суханова, которые, как полагал историк, «служат самым полным и систематическим выражением русских воззрений на относительное достоинство греческого и русского благочестия»²⁰. Разделы диссертации носили хлёсткие названия, выражавшие идеи Суханова: «Москва — Третий Рим», «Русский царь есть опора и покровитель всего православия», «Русское благочестие есть высшее и совершеннейшее в целом мире». Сомневающиеся в наблюдениях Каптерева могли обратиться к «подлинному списку Прений... в греческих делах Московского архива Министерства иностранных дел, 7157 г., № 8»²¹.

Труд Каптерева печатался в журнале «Чтения в Обществе любителей духовного просвещения» до третьей главы первого раздела («Перенесение в Москву святыни с Востока»), которая возмутила духовного цензора — архимандрита московского Данилова монастыря Амфилохия (Сергиевского-Казанцева). В ней приводились данные о том, что среди мощей и других священных реликвий, за которые приезжавшие с Востока духовные лица получали от московских властей солидную «денежную дачу», были дерзкие подделки. Между тем «эта святыня» и в XIX в. находилась и почиталась в Архангельском соборе Кремля, а её дискредитация воспринималась как соблазн и смущение верующих. Тогда редактор «Чтений», председатель Московского общества любителей духовного просвещения протоиерей И.Н. Рождественский отнёс вызвавшую сомнения главу митрополиту Московскому и Коломенскому Иоанникию (Рудневу), архимандриту Троице-Сергиевой лавры, возглавлявшему Православное миссионерское общество и являвшемуся, кстати, известным борцом с расколом. Владыка распорядился продолжить публикацию, констатируя, что, как это ни печально, но против подлинных архивных документов, приведённых автором, спорить нельзя. Книга была напечатана в журнале, а через два года вышла отдельным изданием.

Однако в Учёном совете МДА Субботин категорически воспротивился тому, чтобы это исследование было принято к защите как докторская диссертация. В частности, его не устраивало то, как Каптерев характеризовал виднейшего редактора богослужебных книг при Никоне Арсения Грека, отправленного ранее в ссылку в Соловецкий монастырь «для исправления его православной веры»²². Староверы утверждали, что именно он, будучи воспитанником иезуитов, испортил старинные русские книги. «Эти обвинения и нападки на... Арсения-грека, — писал Николай Фёдорович, — считались доселе несправедливыми, порождёнными слепой ненавистью невежественных противников церковной реформы Никона, которые образованного и православного грека, выдвинутого Никоном, тенденциозно ославили еретиком. Но найденное мною

²⁰ Там же. С. V (третьей пагинации), 383—426.

²¹ Там же. С. I—VI (третьей пагинации), 392.

²² *Каптерев Н.Ф.* Следственное дело об Арсении Греке и ссылке его в Соловецкий монастырь // Чтения в Обществе любителей древней письменности. 1881. Июль. С. 70—96. См. также: Соловецкое сказание о пребывании Арсения Грека в ссылке в 1649—1651 гг. (ОР РНБ, Соловецкое собр., № 897/1007, л. 41—43 об.); *Зиборов В.К.* Арсений Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. Ч. 1. СПб., 1993. С. 105—108; *Сиромаха В.Г.* Книжные справщики Печатного двора 2-й половины XVII века // Старообрядчество в России (XVII—XX вв.). М., 1999. С. 15—44.

в архиве подлинное следственное дело об Арсении-греке неожиданно вполне подтвердило справедливость старообрядческих обвинений против Арсения. Из следственного дела оказывается, что Арсений, по его собственному сознанию на следствии, действительно был учеником иезуитов и, отказавшись от православия, принял латинство, а по возвращении в Константинополь был обращён в мусульманство, почему московское правительство и сослало его в заточение в Соловецкий монастырь». Позднее же «Никон, как известно, взял Арсения из Соловецкого монастыря, привёз его в Москву и здесь поручил ему исправление русских церковных книг». «Понятно, — заключал историк, — что со стороны Никона было очень нетактично брать к себе такого крайне сомнительного в глазах русского общества человека, а тем более было крайнюю неосторожностью поручить Арсению исправление русских церковных книг. Ввиду указанных фактов я и высказал в своём исследовании ту мысль, что церковная реформа Никона нуждается в пересмотре и проверке, и что на некоторые, по крайней мере, заявления её противников никак нельзя смотреть только как на продукт невежества и клеветы»²³.

Конечно, такое заявление, даже подкреплённое авторитетом митрополита Макария (Булгакова), призывавшего рассматривать реформы Никона как историческое явление, документально и объективно, было весьма смелым для соискателя докторской степени в МДА. Однако пламенные обличения Субботина не произвели впечатления ни на совет Академии, ни на её ректора протоиерея С.К. Смирнова. Каптерев смог ограничиться тем, что убрал из некоторых «официальных» экземпляров призыв к пересмотру никоновской реформы, после чего ему присудили степень доктора церковной истории. Синод утвердил это решение. А.Н. Пыпин в самых благожелательных выражениях изложил содержание работы Каптерева²⁴. Пресса её дружно приветствовала²⁵. Тираж разошёлся с необычайной для научной книги быстротой.

Победоносцев отреагировал на это быстро и сильно, добившись отмены решения Синода об утверждении Каптерева в докторской степени на том основании, что тот непочтительно отзывался о греческой Церкви (это лишало его и права на должность ординарного профессора). Ректор и старейший профессор МДА протоиереи Смирнов был уволен со службы без права преподавать.

Однако уже в 1887 г. Каптерев вновь бросил вызов обер-прокурору, подготовив новую диссертацию: «Патриарх Никон как церковный реформатор и его противники»²⁶. В ней доказывалось, что вопреки голословным заявлениям обличителей раскола, русские церковные книги не были переделаны «невежественными» вождями староверов на Печатном дворе при патриархе Иосифе. Напротив, именно его преемник по новым греческим образцам нарушил древний православный обряд, который обоснованно защищал в своих «Прениях» Арсений Суханов. По сути, Никон оказывался реформатором-

²³ Каптерев Н.Ф. Характер отношений... Изд. 2. С. II—III (первой пагинации), 208—218.

²⁴ Пыпин А.Н. Греки в Московском царстве // Вестник Европы. 1884. № 5. С. 258—320.

²⁵ См.: Юридический вестник. 1884. № 10. С. 359—361; Новь. 1884. № 10. С. 585; Исторический вестник. 1885. № 1. С. 228—231; Русская старина. Т. 50. 1885. № 5.

²⁶ Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриарха Иосифа. М., 1887; Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. Сергиев Посад, 1909—1912.

модернистом, а его оппоненты — защитниками старины (в том числе и древнего двуперстного крестного знамения)²⁷.

Первая часть исследования Каптерева появилась в «Православном обозрении»²⁸, но вызванный чисто академической работой общественный резонанс убедил Победоносцева и его товарища В.К. Саблера в необходимости пресечь публикацию, повлекшую за собой нежелательную полемику и разжигающую страсти²⁹. Со своей стороны, Академия наук, опираясь на отзыв П.В. Знаменского, демонстративно отметила прежнюю монографию Каптерева Уваровской премией³⁰. Защитить наполовину изданную диссертацию Николай Фёдорович не мог. В 1891 г. он издал третью книгу³¹, но докторскую степень ему вновь

²⁷ «Мною ясно было показано, — утверждал позднее Каптерев, — что Аввакум, Неронов, Лазарь и др[угие] никогда не были книжными справщиками и вообще никогда к книжной справе никакого отношения не имели... На вопрос, необходимо отсюда возникший: кто же, в таком случае, и когда испортил наши древние церковные чины и обряды, которые потом Никону пришлось исправлять, мною был дан такой ответ: древние наши церковные чины и обряды никогда никем у нас не искажались и не портились, а существовали в том самом виде, как мы, вместе с христианством, приняли их от греков, только у греков некоторые из них позднее изменились, а мы остались при старых, неизменённых, почему впоследствии и явилась рознь между московскими церковными чинами и обрядами и позднейшими греческими. Это своё общее положение я иллюстрировал на форме перстосложения для крестного знамения, причём выяснил, что в христианской церкви древнейшей формой перстосложения было единоперстие, а потом единоперстие у православных греков заменено было двоеперстием, которое мы от них и заимствовали при своём обращении в христианство. И в то время как греки не остановились и на двоеперстии, а позднее заменили его у себя троеперстием, русские остались при прежнем, воспринятом ими от греков, двуперстии, которое и было у нас, до Никона, господствующим обычаем» (*Каптерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1. С. I—II (первой пагинации)).

²⁸ Православное обозрение. 1887. № 1. С. 145—183; № 2. С. 315—363; № 4. С. 763—831.

²⁹ Братское слово. 1888. № 6. С. 468—475. Положительные рецензии см.: Русская мысль. 1888. Кн. 2. С. 71—74; Русский вестник. 1888. № 4; Исторический вестник. 1888. № 6. С. 701—704. Взгляды Каптерева на старый русский обряд разделял и Голубинский, хотя он относил появление троеперстия у греков не к XVI—XVII, а к XII в.: *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике со старообрядцами. М., 1895; Изд. 2. М., 1896. См. также: Богословский вестник. 1892. № 1. С. 45—76, 485—506; № 2. С. 277—312; № 4. С. 34—72; № 5. С. 197—223; 1893. № 8. С. 315—326; 1895. № 3. С. 446—466. Отчасти соглашался с ним и И.Т. Никифоровский, окончивший в 1888 г. Петербургскую духовную академию и попытавшийся «рассмотреть неосторожные, резкие суждения Н.Ф. Каптерева, которые для многих обратились камнем преткновения»: *Никифоровский И.Т.* Несколько слов относительно взгляда Н. Каптерева на перстосложение древних киевлян, сербов и греков. СПб., 1891. С. 8. См. также: Христианское чтение. 1891. № 9. С. 110—140; № 10. С. 283—316. С резкой и предсказуемой критикой выступили Субботин и доктор богословия архиепископ Херсонский и Одесский Никанор (Бровкович): *Субботин Н.И.* О перстосложении для крестного знамения (по поводу книги г. Н.Ф. Каптерева). М., 1891. См. также: *Субботин Н.И.* О перстосложении для крестного знамения (разбор статьи г. Каптерева) // Братское слово. 1887. № 18. С. 598—612; № 19. С. 693—715; № 20. С. 764—798; 1888. № 5. С. 338—369; *Никанор (Бровкович), архиеп.* Беседа о перстосложении для крестного знамения и благословения архиепископа херсонского и одесского Никанора. СПб., 1890. С. 1—2. Ответ на изданные ранее возражения см.: *Каптерев Н.Ф.* Оправдание на несправедливые обвинения // Православное обозрение. 1887. № 8—9.

³⁰ [Веселовский К.С.]. Отчёт о тридцатом присуждении наград графа Уварова // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 260. 1888. № 11. Современная летопись. С. 1—19.

³¹ *Каптерев Н.Ф.* Сношения иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством... Монография, основные положения которой были изложены в ЧОИДР (1891. Кн. 2. Отд. 1. С. I—XIV, 1—91), в 1892 г. получила благожелательные отзывы в «Страннике» (№ 3), «Славянском обозрении» (Т. 1. № 2), «Русском обозрении» (Кн. 2). Позже появилась развёрнутая рецензия в «Журнале Министерства народного просвещения» (1896. № 11).

присудили только через пять лет, когда вышел в свет ещё более крупный его труд³².

Таким образом, Белокуров выбрал для защиты диссертации об Арсении Суханове не самое безопасное место и оппонентов, находившихся в открытом конфликте с синодальным начальством.

Между тем чиновник МИД (с 10 декабря 1886 г. — хранитель Московского главного архива), избранный 19 октября 1887 г. действительным членом Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете, с 18 октября 1890 г. исполнявший обязанности его казначея, а 18 сентября 1891 г. ставший ещё и членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества³³, вполне мог защищаться в университетском совете, ускользнув тем самым от утверждения учёной степени Синодом.

И всё же Белокуров предпочёл обратиться в родную Академию, отношения с которой складывались у него, похоже, непросто. За годы учёбы он издал 16 серьёзных статей и публикаций источников — намного больше, чем требовалось для того, чтобы быть оставленным при кафедре для подготовки диссертации. Но из них 11 — в «Христианском чтении», журнале Петербургской духовной академии, и 3 — в «Чтениях Общества истории и древностей российских». При этом все они имели высокое научное качество, включая издание «Челобитной патриарха Иосифа и освященного собора на протопопа Стефана Вонифатьева» в «Братском слове» Субботина³⁴, и почти все так или иначе касались книжного исправления, реформ Никона и церковной публицистики второй половины XVII в.

В 1883 г. 22-летний исследователь смело опубликовал Статейный список Арсения Суханова 1649—1650 гг. со всеми его отписками и расположенным в конце авторизованным текстом «Прений с греками о вере»³⁵. А это был тот самый список, на который опирался Каптерев, незадолго до того лишённый докторской степени. Годом ранее Белокуров выпустил статью, посвящённую археографическим трудам Суханова, которые в посольских документах Московского главного архива МИД вообще не отражались³⁶. В 1884 г. он напечатал Статейный список посольства 1637—1640 гг. в Грузию, в котором принимал участие Суханов. Подан он был именно как материал к биографии Арсения, хотя тот вовсе не являлся центральной фигурой в той миссии³⁷. В следующем

³² *Каптерев Н.Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетия. СПб., 1895. См. также рецензии на этот труд: Исторический вестник. 1896. № 7. С. 225—226; Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 308. 1896. № 11. С. 127—138; Русский вестник. 1897. № 10. С. 348—350. Продолжением его стала работа: *Каптерев Н.Ф.* Сношения иерусалимских патриархов с русским правительством в текущем столетии (1815—1844 гг.). СПб., 1898. Рецензию см.: Исторический вестник. 1898. № 11. С. 788—792.

³³ *Белокуров С.А.* 1882—1907. М., 1908. С. 10, 18, 21, 24.

³⁴ Там же. С. 5—10. № 1—16.

³⁵ *Белокуров С.А.* «Статейный список» и «Прения с греками о вере» Троицкого Сергиева Богоявленского монастыря строителя старца Арсения Суханова // Христианское чтение. 1883. № 11—12. См. также: Старца Арсения Суханова «Статейный список» и «Прения с греками о вере». С предисловием, примечаниями и приложениями С.А. Б—ва. СПб., 1883. Ср.: РГАДА, ф. 52, оп. 1, стб. 7157/1649 г., № 8.

³⁶ *Белокуров С.А.* Собрание патриархом Никоном книг с востока // Христианское чтение. 1882. № 9—10.

³⁷ *Белокуров С.А.* Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637—1640 гг.) // Христианское чтение. 1884. № 3—4.

году Белокуров подготовил издание «Известия истинного» — важнейшей работы Сильвестра Медведева, продолжавшей спор, начатый Арсением. Правда, в то время эта связь не бросалась в глаза, а студент-исследователь, логика которого сегодня очевидна, благоразумно не стал её афишировать, помня о продолжавшемся скандале с трудами Каптерева³⁸. Первую публикацию этого ценнейшего памятника оценили и в Петербурге³⁹, и в Москве, где её хвалил сам Субботин⁴⁰. Впрочем, не исключено, что делал он это, не прочитав труд Медведева — первый критический очерк истории русского книгоиздания, далеко не соответствовавший официальной концепции «исправления» церковных книг. Если Каптерев указывал на сомнительность редактур многократно менявшего веру Арсения Грека, шаткость убеждений которого подтверждал и документ, привезённый в Москву Сухановым, то Медведев рассмотрел произвольную правку книг вполне православными редакторами, прежде всего главным сотрудником Грека — Евфимием Чудовским. При этом автор «Известия истинного» сетовал о том, как справщики и указующие им архиереи «дошли до такого безумия», что «все наши древние книги славянские харатейные» стали называть «неправыми», «зане обличают их неправое мудрование»⁴¹.

Вероятно, именно Субботин рекомендовал способного студента обер-прокурору Синода, и в 1886 г. при активном участии Белокурова появились «Историко-юридические акты переходной эпохи XVII—XVIII веков, собранные К.П. Победоносцевым»⁴². Если учесть, что в том же году Победоносцев изгнал из Академии её ректора протоиерея С.К. Смирнова, приходится признать: традиции учёных корпораций того времени не оставляли Сергею Алексеевичу шанса устроиться в МДА после окончания курса в июле 1886 г.

Но Белокуров решил защитить магистерскую работу именно в *alma mater*. Там же он, уже будучи членом чуть ли не всех существовавших тогда исторических обществ и учёных архивных комиссий, искал в 1898 г. степень доктора церковной истории, представив совету знаменитую монографию «О библиотеке Московских государей»⁴³. Но её отвергли «ввиду недостаточности богословского элемента». Изменив заголовок книги (теперь она называлась «К истории духовного просвещения в Московском государстве XVI—XVII вв. Церковные или светские книги были в библиотеке Московских государей XVI в.?»),

³⁸ Белокуров С.А. Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархах Никоне и Иоакиме // Христианское чтение. 1885. № 11—12; Белокуров С.А. Сильвестра Медведева «Известие истинное православным и показание светлое о новоправлении книжном и о прочем». С предисловием и примечаниями С.А. Б—ва. // ЧОИДР. 1885. Кн. IV. С. I—XLI, 1—87.

³⁹ Исторический вестник. 1886. Июль. С. 178.

⁴⁰ Братское слово. 1888. № 3.

⁴¹ Богданов А.П. Московская публицистика последней четверти XVII века. М., 2001. С. 361. О Медведеве см.: Богданов А.П. Сильвестр Медведев // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 84—98; Богданов А.П. От летописания к исследованию. Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 214—300.

⁴² Историко-юридические акты переходной эпохи XVII—XVIII веков, собранные К.П. Победоносцевым / Приготовлены к печати и напечатаны под наблюдением С.А. Б—ва. Ему же принадлежит предисловие к ним. М., 1887. См. также: ЧОИДР. 1886. Кн. II. С. I—VI, 1—160; Кн. IV. С. 161—294. На это издание сам Белокуров под псевдонимом С. Алексеев написал в 1887 г. две положительные рецензии, одна из которых вышла в «Московских ведомостях» (Белокуров С.А. 1882—1907. С. 9—10. № 15, 17). Материалы о публикациях хранятся в его личном фонде (ОР РГБ, ф. 23).

⁴³ Белокуров С.А. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1899. Как уточнял автор, это исследование «вышло в 1898 г.» (Белокуров С.А. 1882—1907. С. 42. № 218).

Белокуров передал её в Киевскую духовную академию. Однако и этот вариант отклонили из-за неясности «причины обращения его с своею докторскою диссертациею в академию киевскую вместо своей родной московской академии». Тогда оскорблённый учёный вообще отказался от попыток получить высшую учёную степень. Ведь профессорство ему в МИД всё равно не грозило. В 1903 г. «Императорская Академия наук, желая выразить своё глубокое уважение к учёным заслугам в области русской литературы», избрала его в члены-корреспонденты. А в 1904 г. он был «ввиду многочисленных трудов в области церковной истории и археологии, выдающихся по их научной ценности и важности, удостоен, согласно ходатайству совета Киевской духовной академии, степени доктора церковной истории» (*honoris causa*)⁴⁴.

В 1891 г., когда магистерскую диссертацию Белокурова приняли к защите в МДА, противодействия со стороны Победоносцева, с которым тот продолжал сотрудничать⁴⁵, можно было не опасаться. Но почему оппоненты единодушно поддерживали диссертацию? В малодушии Голубинского и Каптерева никак нельзя упрекнуть, а в работе Белокурова имелись очевидные огрехи. К примеру, он приписал себе обоснование принадлежности Суханову самого яркого его произведения — «Прений с греками о вере». В обширном историографическом очерке Белокуров представил дело так, будто со времён Епифания Славинецкого «Прения» считались подложным орудием пропаганды староверов. Потом митрополит Макарий (Булгаков), Голубинский и Каптерев перестали так считать, но доказательств не привели, и только диссертант обратил внимание на Греческое дело Посольского приказа № 8, указанное некогда Соловьёвым, и проанализировал авторизованный Сухановым приказный список его «Прений».

Между тем до него это сделал Каптерев, прямо ссылавшийся на дело № 8 и подробно его изучивший. Однако Николай Фёдорович не упоминал об этом на защите. Экстраординарный профессор мог поступиться *своим* первенством, но обязан был заметить, что *открытие* авторства «Прений» принадлежало высоко чтимому в МДА митрополиту Макарию. Скончавшийся в 1882 г. владыка укрепил в науке и название не озаглавленного Сухановым произведения. Если сначала митрополит Макарий полагал, что «Прения» — это подделка⁴⁶, то обращение к документам Посольского приказа переубедило учёного архиерея. Он был знаком с делом о приезде в Москву иерусалимского патриарха Паисия, с которым Арсений Суханов отправился на Православный Восток в 1649 г.⁴⁷, и Статейным списком, поданным дипломатом в Посольский приказ по возвращении 8 декабря 1650 г. в Москву⁴⁸. «В этом списке, представляющем собою как бы дневник Арсения, — отмечал Макарий, — он поместил, между прочим, и свои “прения о вере”... в высшей степени любопытные, так как они свиде-

⁴⁴ В Киевской духовной академии он с 1902 г. был действительным членом Церковно-исторического и археологического общества (Белокуров С.А. 1882—1907. С. 54, 57, 59).

⁴⁵ Белокуров С.А. 1882—1907. С. 21. № 76; Материалы для истории приказного судопроизводства в России, собранные К.П. Победоносцевым. (Напечатаны под наблюдением С.А.Б.) // ЧОИДР. 1890. Кн. IV. С. 1—175.

⁴⁶ «Сочинение, — писал он, — существующее у раскольников не вместе впрочем с Проскинитарием, а отдельно, под заглавием “Прение соборного старца Арсения с греки”, бесспорно, самому Арсению не принадлежит, а составлено лицом посторонним», в частности, потому, что содержит явно раскольнические суждения (Макарий (Булгаков), еп. История русского раскола. СПб., 1855. С. 153—154; Изд. 2. СПб., 1858. С. 152—154.

⁴⁷ РГАДА, ф. 52, оп. 1, стб. 7157/1649 г., № 7, ч. 1. 237 л.; ч. 2. 239 л.

⁴⁸ Там же. № 8. 72 л. С этим же списком затем работали Каптерев и Белокуров.

тельствуют, до какой уже степени доходили тогда разногласия между русскими и греками особенно по вопросу о перстосложении для крестного знамения и как смотрели тогда русские... на греков и свою отечественную Церковь». Объективно пересказав «Прения» по Статейному списку на 10 страницах своей «Истории Русской церкви», Макарий признал, что «эти прения, записанные Арсением, представляют одно из самых ярких свидетельств о тогдашнем религиозном настроении умов в нашем отечестве»⁴⁹. Макарий разъяснил и спорные, многих смущавшие вопросы, возникавшие при сравнении «Прений» с «Проскinitарием», написанным Сухановым после следующей поездки на Православный Восток в 1651—1653 гг.

Именно Макарий пересмотрел официальную биографию Суханова и изложил её на основании спокойного рассмотрения источников. Однако Белокуров представил его (а также Каптерева и Голубинского) рассуждения об авторстве «Прений» несерьёзными. Одного этого было достаточно для громкого провала его защиты. Голубинский и Каптерев, отлично знавшие и читавшие труды Макария, говорить об этом не стали, хотя в диссертации лукавому обоснованию первенства автора в атрибуции и исследовании «Прений» посвящено свыше 100 страниц. Сергей Алексеевич малейших огрехов коллегам не прощал, справедливо было бы воздать ему тем же. Тем не менее оба оппонента без сомнений поддержали диссертацию.

Прежде всего, оба учёных оценили содержание работы. Сотрудник Победоносцева, преподнося на первый взгляд лишь любезные обер-прокурору «факты», на деле представлял в науке ту самую критическую школу Горского, которую отстаивали Голубинский и Каптерев. И представлял с блеском, хорошо скрытым от глаз таких ревнителей благочестия, как Субботин, которые в текст не вчитывались и значения многих «фактов» понять не могли. «При своих выводах и заключениях, — уверял Белокуров в предисловии, — я всюду старался опираться на первоисточники». Сомнительное содержание сочинений Суханова он вообще не рассматривал, оставляя эту задачу для будущей второй части исследования. В диссертации историк ограничился исключительно биографией. «Читатель, — предупреждал он, — не найдёт в ней общей характеристики старца: я уклонился от этого, считая более удобным сообщить её после разбора его сочинений»⁵⁰.

Биографию Суханова Сергей Алексеевич воссоздал по архивным источникам столь основательно, что заметно уточнить её с тех пор уже никто не смог. Более того, он установил состав бесценных книжных сокровищ, которые Арсений привёз в Москву из поездки на Афон в 1653—1655 гг. По старинным описям и пометам на книгах, сделанным Сухановым ещё в греческих монастырях, Белокуров определил местонахождение приобретённых Арсением книг в российских архивохранилищах так полно, что монография конца XX в. прибавила к этому лишь немного⁵¹. Прделанная им блестящая археографическая работа придала новое звучание описи XVII в., изданной ещё И.Д. Беляевым. Согласно ей, доставленные Сухановым древние греческие книги не использовались для исправления русских богослужебных книг на Печатном

⁴⁹ Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Т. 9. М., 1882. С. 148—158.

⁵⁰ Белокуров С.А. Арсений Суханов. Ч. 1. С. II—III (первой пагинации).

⁵¹ Фонкич Б.Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв. (Греческие рукописи в России). М., 1977.

дворе, как уверял Епифаний Славинецкий в предисловии к Служебнику летом 1655 г., когда Арсений только вернулся в Москву. Греческие манускрипты просто не успели разобрать и описать для нужд редакторов. На деле их оставили в подвале у патриарха Никона и извлекли для составления описи только после его удаления из Москвы в 1658 г. Но и тогда почти всё было вновь отправлено в Новый Иерусалим, а на Печатный двор взято лишь 48 книг⁵².

Исследование Белокурова позволило проследить судьбу книг. Теперь каждый, кто интересовался никонианской реформой, мог взять в руки *все* книги Суханова, попавшие на Печатный двор, и убедиться: к исправлению богослужебных текстов они в большинстве своём не пригодны, поскольку посвящены другим темам. Более того, Белокуров не поленился сверить правленные книги Печатного двора с подходящими книгами Арсения и сделал вывод: древние русские тексты правилась не по добытым Сухановым древним греческим (но по современным, преимущественно малороссийским, как выяснилось впоследствии⁵³).

Сергей Алексеевич не стал делать напрашивавшийся вывод, что реформа Никона оказалась обманом, а Арсений Суханов, староверы и, наконец, Каптерев критиковали её справедливо. Каптерев и Голубинский не потребовали от него той отваги, какую проявляли сами. Им было достаточно увидеть, что их чрезвычайно талантливый выпускник не склонен обходить острые вопросы или подгонять сведения источников под официальную концепцию. К моменту защиты Белокуров издал более 80 серьёзных научных работ, среди которых были важные публикации документов. Причём даже документальные издания, подготовленные для Победоносцева, были высокого качества. И пусть он сам печатал на них хвалебные отзывы, приписывал себе порою чужие открытия, не терпел конкурентов и избирался всюду, где избирали, но огромная польза, принесённая им науке, не вызвала сомнений.

Правда, во второй части исследования об Арсении Суханове, готовя к печати его сочинения, Белокуров сделал те же археографические ошибки, в которых обвинял коллег⁵⁴, и запутался настолько, что не смог даже завершить издание, не говоря уже об анализе текстов⁵⁵. После выхода первого выпуска второй части археограф прекратил эту работу и никогда к ней не возвращался. Другие люди затем не раз приписывали его заслуги себе. Даже язвительный упрёк, который он бросил хорошему археографу, не обнаружившему ценные материалы в библиотеке собственного университета, вернулся к Белокурову: он пропустил самый важный авторский список главного сочинения Суханова

⁵² *Беляев И.* Переписная книга домового казны патриарха Никона // *Временник Общества истории и древностей Российских при Московском университете*. Кн. 15. М., 1852. Отд. II. С. 1—136. Опись 48 взятых на Печатный двор книг: Там же. С. 131—133.

⁵³ *Дмитриевский А.А.* Отзыв о сочинении М.М. Орлова «Литургия св. Василия Великого». СПб., 1909. СПб., 1912. С. 246—248; *Дмитриевский А.А.* Исправление книг при патриархе Никоне и последующих патриархах / Публ. А.Г. Кравецкого. М., 2004; *Успенский Б.А.* Крест и круг: из истории христианской символики. М., 2006. С. 192; *Белякин Ю.С.* К предыстории антистарообрядческих изданий Московского Печатного двора (наблюдения над корректурными рукописями) // *Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXV международной научной конференции*. Ч. II. М., 2013. С. 215—217.

⁵⁴ *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Исследование. Ч. II. Сочинения Арсения Суханова. Вып. 1. М., 1894. См. также: ЧОИДР. 1894. Кн. II. С. I—LXXXVI, 1—284.

⁵⁵ Подробнее см.: *Богданов А.П.* «Прения с греками о вере» в русском державном самосознании. М., 2019.

в собрании Московского главного архива МИД. А эта находка могла бы устранить возникшие у него затруднения⁵⁶.

Тем не менее внешне дела Белокурова шли блестяще: после успешной защиты диссертации он стал магистром, удостоился Макарьевской премии в Синоде и Уваровской — в Академии наук (1 тыс. и 500 руб. соответственно)⁵⁷. Сотрудничество с Победоносцевым осталось в прошлом, а провал первого крупного исследования не помешал ему стать автором поистине выдающихся трудов⁵⁸.

⁵⁶ Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // Источниковедение отечественной истории. Сборник статей за 1989 г. М., 1989. С. 175—205.

⁵⁷ Белокуров С.А. 1882—1907. С. 22, 32. № 80, 139; Николаевский П.Ф. К исследованию об Арсении Суханове. Отзыв о сочинении, представленном на Макарьевскую премию: Арсений Суханов, ч. I. Биография Арсения Суханова. Исследование Сергея Белокурова. Москва, 1891 г. // Христианское чтение. 1895. № 11—12. С. 559—577; Николаевский П.Ф. Отзыв о сочинении, представленном на Уваровскую премию: Арсений Суханов, ч. II. Сочинения Арсения Суханова. Выпуск первый. Москва, 1893 г. // Отчёт о 36-ом присуждении наград графа Уварова. Записки Императорской Академии наук. VIII серия. По историко-филологическому отделению. Т. I. № 2. СПб., 1895. С. 43—50; Пытин А.Н. Исправление книг и начало раскола // Вестник Европы. 1894. № 9.

⁵⁸ В том числе и своих классических работ: Белокуров С.А. О библиотеке Московских государей в XVI столетии. М., 1899; он же. Юрий Крижанич в России (по новым документам). М., 1902; он же. Из духовной жизни Московского общества XVII в. М., 1903; он же. О Посольском приказе. М., 1906.